

20
—

sur l'ouvrage de A. L. Bertie Delagarde (Antiquités de la Russie méridionale; feuille de Kiev)

Отзывъ о сочиненіи А. Л. Бертъе-Делагарда: Древности Южной Россіи. Раскопки Херсониса. Съ 7 табл. и 2 полнотипажамн. Сиб. 1893. (Матеріалы по археологій Россіи, изд. Импер. Археологической Коммиссіею, вып. 12).

(Дѣйств. чл. В. В. Латышева).

Нашъ сочленъ А. Л. Бертъе-Делагардъ давно уже съ искренней любовью и неослабнымъ интересомъ занимается изслѣдованіями въ области исторіи и древностей пунѣшняго Крымскаго полуострова. Въ 1886 г. напечатано ¹⁾ его обширное изслѣдованіе объ остаткахъ древнихъ сооружений въ окрестностяхъ Севастополя и о пещерныхъ городахъ Крыма (къ сожалѣнію, не оконченное), опирающееся на тщательныя личныя наблюденія и замѣчательное по умѣлой группировкѣ фактовъ и строго-критическому взгляду. Въ прошломъ 1893 году онъ украсилъ страницы XVI тома „Записокъ“ Одесскаго Общества ²⁾ цѣннымъ изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи пресловутой надписи императора Зинона въ связи съ данными объ исторіи Херсониса въ римскій и ранній византійскій періодъ; это изслѣдованіе, основанное на тщательномъ и все-стороннемъ изученіи всей относящейся къ разсматриваемому вопросу литературы, безъ сомнѣнія, положитъ конецъ долговременному спору о происхожденіи Зионовой надписи и навсегда включитъ ее въ серію эпиграфическихъ документовъ Херсониса. Будучи севастопольскимъ старожиломъ, г. Бертъе-Делагардъ живо интересуется и производящимися въ послѣдніе годы г. Костюшко Валюжиничемъ, по порученію и на средства Императорской Археологической Коммиссіи, раскопками го-

¹⁾ Зап. Одесскаго Общ. ист. и древн. т. XIV, стр. 166—279.

²⁾ «Надпись временъ императора Зинона въ связи съ отрывками изъ исторіи Херсониса», стр. 45—88.

родища Херсониса и до недавняго переѣзда въ Одессу слѣдилъ за ними, можно сказать, шагъ за шагомъ. Такимъ образомъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, былъ подготовленъ къ научному объясненію результатовъ этихъ раскопокъ, и вполнѣ естественно ожидать, что написанное имъ по порученію Коммиссіи изслѣдованіе подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, основанное на подробномъ и всестороннемъ изученіи всѣхъ открытій, сдѣланныхъ при раскопкахъ и прекрасномъ знакомствѣ съ источниками и пособіями, явится цѣннымъ вкладомъ въ нашу археологическую литературу.

Спеціальная критика уже оцѣнила по достоинству этотъ послѣдній трудъ г. Бертье-Делагарда ¹⁾ и тѣмъ избавила насъ отъ необходимости вдаваться въ подробное изложеніе его содержанія и выводовъ, тѣмъ болѣе, что къ оцѣнкѣ такого компетентнаго знатока, какимъ является въ данной области нашъ почтенный сочленъ Н. П. Кондаковъ, врядъ-ли можно было бы прибавить что-либо существенное. Поэтому мы ограничимся только краткимъ перечисленіемъ главнѣйшихъ выводовъ автора. Описанію херсонисскаго городища и результатовъ послѣднихъ раскопокъ г. Бертье-Делагардъ предпосылаетъ очеркъ состоянія развалинъ Херсониса со времени присоединенія Крыма къ Россіи и при этомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ ходячую легенду о быломъ богатствѣ развалинъ Херсониса и о варварскомъ расхищеніи ихъ жителями сосѣдняго Севастополя. „Чтобы прослѣдить и обнаружить народившуюся и выросшую басню, — говоритъ г. Кондаковъ, — автору пришлось слѣдить за всѣмъ литературнымъ матеріаломъ въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, выраженіяхъ, и фразсахъ и, съ другой стороны, собрать свой собственный громадный матеріалъ по древностямъ Херсониса, чтобы этой массою задавить все растущую легенду. Правда, автору такъ близко и живо знакомы и самая мѣстность, и эти жалкія кучи камней, и еще болѣе убогія улочки и переулочки, и всѣ открываемыя древности Херсониса, что ему легко было начертить для насъ эту картину“. Доказавъ массою фактовъ бѣдность и убожество византійскаго Херсона, авторъ представляетъ себѣ даже возможность вывода „о бесполезности систематическихъ раскопокъ въ этой грудѣ мусора“, но рѣшительно протестуетъ противъ этого вывода, указывая на важность раскопокъ для изученія культуры византійской эпохи: „Въ Херсонисѣ — говоритъ онъ на стр. 16, — намъ открывається

¹⁾ См. рецензіи Н. П. Кондакова въ Журн. М. Н. Пр. за декабрь 1893 г., стр. 388—396, и анонимную въ Археол. извѣстіяхъ и замѣткахъ, изд. Имп. Моск. Арх. Обществомъ, 1894 г., вып. 1. стр. 27—29.

весь бытъ, вся культура византійскаго города, тѣмъ болѣе интересныя, что они относятся именно къ самому обыденному мелкому городку, а не къ крупному исключительному центру. Въ Херсонисѣ же отыскиваются памятники церковной жизни и обрядности православія, правда, не первыхъ вѣковъ христіанства, но именно потому и особенно любопытныя, что они относятся къ VII — XIII вѣкамъ. Такое рѣдкое, почти исключительно значеніе раскопокъ въ Херсонисѣ, созданное его жизнью, точнѣе сказать, временемъ его гибели, становится особенно важнымъ, если вспомнить огромное значеніе этого города въ нашей исторіи политической и особенно церковной“.

Послѣ нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній о мелкихъ предметахъ античной жизни, найденныхъ при раскопкахъ, авторъ обращается къ главному предмету своего изслѣдованія — памятникамъ архитектурнымъ, отчасти языческимъ, а преимущественно христіанскимъ, причемъ имѣетъ въ виду не только раскопки послѣднихъ лѣтъ, но и вообще все ему извѣстное изъ найденнаго въ Херсонисѣ. Архитектурные остатки 27 открытыхъ византійскихъ церквей и часовень разсмотрѣны имъ во всѣхъ деталяхъ, причемъ попутно сдѣлано много цѣнныхъ замѣчаній вообще по исторіи византійской архитектуры и проведены любопытныя сравненія съ памятниками, сохранившимися въ Италіи, съ особенностію въ Равеннѣ; оказывается, что колонны и капители, найденныя въ базиликахъ Херсониса, совершенно одинаковы съ найденными въ Равеннѣ. Этотъ поразительный на первый взглядъ фактъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что какъ херсонисскія, такъ и равеннскія капители и колонны происходятъ изъ ломокъ древняго Проконниса на Пропонтидѣ, гдѣ онѣ и обдѣлывались и въ готовомъ видѣ доставлялись моремъ въ разные города, въ томъ числѣ въ Херсонисъ и Равенну. Такимъ образомъ, вопросъ о сходствѣ стилей въ областяхъ Византіи перенесенъ авторомъ, говоря словами Н. П. Кондакова, „изъ темной области эстетическихъ ощущеній и безграничной сферы эстетическихъ сужденій въ среду точно опредѣленную“, и оригинальныя и вполне доказательныя заключенія г. Бертье-Делагарда, по сужденію почтеннаго рецензента, тѣмъ болѣе важны, что „авторъ основалъ ихъ на мелочномъ, чрезвычайно точномъ и внимательномъ изученіи всего матеріала, какой представила ему богатая памятниками Равенна“. Изъ множества частныхъ вопросовъ, внимательно разсмотрѣнныхъ авторомъ, нельзя не отмѣтить прекраснаго изслѣдованія о той купели, въ которой, будто бы, крестился св. Владиміръ и которую показываютъ въ полу одной изъ развалинъ херсонисскихъ церквей,

надъ которою, какъ извѣстно, возведенъ новый монастырскій соборъ, построенный въ память этого событія. На основаніи внимательнаго разбора не только лѣтописныхъ свидѣтельствъ, но и вопроса о сравнительной важности херсонисскихъ церквей, о формахъ купелей и даже данныя объ устройствѣ могилъ въ византійскихъ церквахъ авторъ относится вполне отрицательно къ существующей легендѣ и утверждаетъ, что крещеніе св. Владиміра, если оно было въ Херсонисѣ, могло совершиться только въ каедральной церкви, которою несомнѣнно была такъ-называемая Уваровская базилика, или, лучше сказать, въ ея крещальнѣ (стр. 44). Весьма важны также выводы автора относительно времени сооруженія открытыхъ въ Херсонисѣ церквей: онъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе покойнаго графа А. С. Уварова о принадлежности открытой имъ базилики къ IV в. по Р. Хр. и относитъ начало установившагося въ Херсонисѣ типа церковныхъ построекъ къ VI—VII в., а самое сооруженіе сохранившихся въ развалинахъ церквей полагаетъ между VII и X вѣками (стр. 51).

Въ заключеніи своего изслѣдованія авторъ описываетъ любопытныя раскопки въ окрестностяхъ Казачьей бухты, гдѣ, по его предположенію, находился древнѣйшій Херсонисъ; раскопки эти не дали ничего опредѣленнаго, кромѣ развалинъ церкви на островкѣ Казачьей бухты, отождествляемыхъ авторомъ съ храмомъ, упоминаемымъ въ житіи св. Климента, который, по мнѣнію автора, потерпѣлъ мученіе именно здѣсь, а не въ Инкерманѣ, какъ полагали прежде.

И. П. Кондаковъ въ заключеніи своей рецензій, неоднократно нами упомянутой, говоритъ: „Мы находимъ значеніе этого трактата капитальнымъ и не только по избранному для него вопросу о древностяхъ Херсониса, но и вообще для русской археологіи. Выше мы сказали, что авторъ является въ этой средѣ уже признаннымъ дѣятелемъ, начавшимъ свои изслѣдованія и занятія непосредственно въ области мѣстной археологіи на основаніи продолжительныхъ даже многолѣтнихъ наблюденій на мѣстѣ. Въ результатѣ нашего краткаго обзора новаго изслѣдованія становится очевиднымъ, что авторъ не ограничился уже только мѣстными наблюденіями, но, все расширяя поле своихъ обозрѣній, перешелъ отъ частныхъ вопросовъ южно-русской археологіи къ общимъ вопросамъ исторіи христіанскаго искусства для того, чтобы получить отвѣты по своимъ, такъ сказать, мѣстнымъ пунктамъ“. Соглашаясь въ общемъ съ этимъ отзывомъ нашего знатока древне-христіанской археологіи, мы должны, однако, сказать, что не всѣ частности въ трудѣ г. Бертье-Делагарда являются одинаково прочно обоснован-

ными, не со всѣми его мнѣніями и выводами можно безусловно согласиться ¹⁾, и вообще трудъ его не можетъ быть признанъ „последнимъ словомъ“ о Херсонисѣ, тѣмъ болѣе что раскопки городища и некрополя далеко еще не закончены. Но все-таки трудъ г. Бертье-Делагарда долженъ быть признанъ выдающимся явленіемъ въ области русской археологической литературы за послѣдніе годы и вся его дѣятельность на пользу отечественной археологіи вполнѣ заслуживающею благодарнаго вниманія; поэтому Императорское Русское Археологическое Общество исполнить только долгъ справедливости, если признаетъ возможнымъ поощрить дѣятельность почтеннаго археолога присужденіемъ ему одной изъ своихъ почетныхъ наградъ.

